

Хасиева Мария Алановна

ПЕТЕРБУРГ ДОСТОЕВСКОГО: СЕМИОТИКА ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ПЕТЕРБУРГСКОГО ТЕКСТА

Тема Петербурга Достоевского была выделена как специфический подраздел достоевсковедения еще в начале XX в. Несмотря на противоречивость и многомерность метафорической репрезентации петербургской среды в творчестве Достоевского, различные исследователи выделяют сходные характеристики семиотической модели Петербурга Достоевского. Эта модель инкорпорирована в общую литературную и культурную традицию петербургского текста. Анализируя исследования, посвященные данной теме, можно проследить эволюцию петербургской семиотической модели в творчестве Достоевского, а также выделить личный авторский вклад Достоевского в развитие петербургского текста.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/3-3/12.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 3(69): в 3-х ч. Ч. 3. С. 45-47. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/3-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Для реализации мотивов *чистота* и *невинность* в своем сочинении Т. Уильямс использует широкий спектр художественных приемов. Масштабное внедрение автором различных стилистических техник может быть связано с тем фактом, что направления развития, избранные главным героем, его мировоззрение и жизненная позиция бесконечно разнообразны и сложны по содержанию, а названные средства создания художественной условности позволяют читателю понять суть первых полнее и глубже.

Список литературы

1. **Аверинцев С. С.** София-Логос. Словарь. Собрание сочинений / под ред. Н. П. Аверинцевой, К. Б. Сигова. К.: ДУХ І ЛІТЕРА, 2006. 912 с.
2. **Баранова К. М.** Ведущие лейтмотивы ранней американской словесности и их влияние на современную литературу // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2011. Вып. 1 (7). С. 8-13.
3. **Машошина В. С.** Мифологема «корабль» в романе Г. Мелвилла «Моби Дик» // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2012. Вып. 2 (10). С. 107-111.
4. **Уильямс Т.** Желание и чернокожий массажист: пьесы и рассказы / пер. с англ. В. Л. Денисова; вступ. сл. Р. Г. Виктюка. М.: Издательская группа «Прогресс» – «Гамма», 1993. 320 с.
5. **Williams T.** Plays. N. Y.: Library of America, 2000. 975 p.

**AUTHOR'S TECHNIQUE TO IMPLEMENT THE MOTIVES "INNOCENCE"
AND "PURITY" IN THE PLAY BY T. WILLIAMS "SUDDENLY, LAST SUMMER"**

Fedorenko Ol'ga Yaroslavovna

Moscow City University

Olgadjuin@gmail.com

The article provides comprehensive analysis of a wide range of stylistic devices used by the famous American dramatist T. Williams to implement the basic motives of American literature "innocence" and "purity" which are the key narration elements of his play "Suddenly, Last Summer". The researcher shows the coherent functioning of such stylistic techniques as metaphor, contrast, symbol in relation to the mentioned motives. The latter can be conditioned by author's original language, urgency of the problems raised in the play and its allegorical nature.

Key words and phrases: American drama; T. Williams; motive; "innocence"; "purity"; symbol.

УДК 82.09

Тема Петербурга Достоевского была выделена как специфический подраздел достоевковедения еще в начале XX в. Несмотря на противоречивость и многомерность метафорической репрезентации петербургской среды в творчестве Достоевского, различные исследователи выделяют сходные характеристики семиотической модели Петербурга Достоевского. Эта модель инкорпорируется в общую литературную и культурную традицию петербургского текста. Анализируя исследования, посвященные данной теме, можно проследить эволюцию петербургской семиотической модели в творчестве Достоевского, а также выделить личный авторский вклад Достоевского в развитие петербургского текста.

Ключевые слова и фразы: Петербург Достоевского; семиотика города; Ю. М. Лотман; Б. А. Успенский; В. Н. Топоров; урбанистика Петербурга XIX в.

Хасиева Мария Алановна, к. филос. н.

Московский государственный строительный университет

m9288@inbox.ru

**ПЕТЕРБУРГ ДОСТОЕВСКОГО: СЕМИОТИКА ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА
В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ПЕТЕРБУРГСКОГО ТЕКСТА**

Проблематика Петербурга Достоевского является в настоящее время одним из самых значимых и исследуемых аспектов наследия писателя. Выделение этой темы как специфического подраздела достоевковедения произошло еще в начале XX в. В 1924 году была опубликована монография Н. П. Анциферова «Петербург Достоевского», где автор использовал уникальный исследовательский подход, включающий в себя, кроме топографических и биографических изысканий, элементы герменевтического и семиотического анализа текстов произведений Достоевского. На материале Петербурга Достоевского Анциферов закладывает основы семиотического осмысления городского пространства.

Работа Анциферова обрела известность и привлекла внимание к петербургскому тексту Достоевского не только в пределах СССР, но и в среде русской эмиграции. Так, опубликованная в сборнике «Славянское и восточно-европейское ревю» (1927) рецензия Г. В. Флоровского содержала весьма высокую оценку

исследовательского метода Анциферова. В 30-х – 50-х годах было опубликовано лишь несколько небольших статей, посвященных данной теме: статья-предисловие Л. П. Гроссмана «Город и люди “Преступления и наказания”» (1939), статья Ф. И. Евнина «Роман “Преступление и наказание”» (1959).

Уже во второй половине XX в. более глубокое развитие эта тема обрела в трудах представителей московско-тартусской семиотической школы. В работах Ю. М. Лотмана, Б. А. Успенского, В. Н. Топорова Петербург выступает семиотической моделью – единой системой, состоящей из комплекса исторически сложившихся и транслируемых в культуре мифов, символов и текстов.

Несмотря на «разноречивость» [1, с. 37] и многомерность метафорической репрезентации петербургской среды в творчестве Достоевского, исследователями выделяются сходные характеристики, образующие единую семиотическую модель. Самой очевидной и значимой характеристикой Петербурга Достоевского можно считать его искусственность и надприродность, предопределившую всеобщий модус развития русской культуры послепетровского периода. Развивая концепцию концентрического и эксцентрического типов городов, М. Ю. Лотман противопоставляет эксцентрический Петербург не только концентрической, естественно сложившейся Москве, но и всей остальной России. Достоевский в своих произведениях неоднократно отмечает эту искусственную вымышленность, отсутствие естественных исторических корней. Эти свойства имманентны образу Петербурга и были укоренены в петербургском тексте задолго до Достоевского, он лишь опирается на них в создании собственной семиотической модели.

Изначально присутствовавший в петербургской семиотической модели космогонический мотив борьбы со хтоническим началом – силами природы – неразрывно связан с мифологемой эсхатологического падения Петербурга, обреченного на затопление. Явные и скрытые отсылки к мифу о Великом потопе в петербургском тексте Достоевского встречаются довольно часто. Но эта обреченность оборачивается одновременно мотивом мессианской избранности, истоки которой кроются в сопричастности Петербурга к историософской концепции «Москва – Третий Рим». Как полагает Б. А. Успенский, в символическом пространстве Петербурга священность города устанавливается государственной властью, что снимает противоречие между сакральным и государственным началами, присутствовавшее в семиотическом пространстве Москвы [8, с. 350].

Отдельного рассмотрения заслуживает мотив фантазмагии в образе Петербурга Достоевского, выраженный не в дуалистической антитезе яви и сна, а в их неразрывной взаимосвязи. К этому мотиву относится повторяющаяся метафора призрачного города, словно сотканного из тумана («Подросток»). Характер гротеска и фантазмагии носят и жанровые мотивы петербургского городского анекдота, отчасти наследованные Достоевским от Гоголя и в ранний период его творчества образовавшие отдельное направление чиновничьего сюжета («Господин Прохарчин», «Двойник»). Кроме того, примером фантастической репрезентации города является и осознанный метафорический антропоморфизм архитектурных сооружений: описывая дом Рогожина в романе «Идиот», Достоевский неоднократно упоминает его «физиономию», а в «Белых ночах» наделяет дома способностью говорить. В более поздних произведениях Достоевского пушкинский *genius loci* – Медный всадник – присутствует как реминисценция, а семиотическая модель Петербурга принимает форму целостного хронотопа.

Применительно к «Преступлению и наказанию» Л. П. Гроссман, размышляя о взаимосвязи городской среды и сознания героя, пишет о специфической «атмосфере», довлеющей над героями и толкающей их на определенные действия [4, с. 49]. Еще до этого Анциферов вполне осознанно формулирует идею предопределенности сознания героя Достоевского локусом его обитания [1, с. 32]. Герой при этом как бы утрачивает свою самоценную реалистичность, становясь отчасти функцией хронотопа. Новое значение в этом контексте обретает функция героя-фланера. Описания маршрутов героев Достоевского всегда отличаются необыкновенной подробностью и точностью. Эту точность топографии романов Достоевского Анциферов объясняет стремлением наделять героев реалистичностью, которая несколько утрачивается из-за фантастичности локуса их обитания. Этому утверждению вторит Д. С. Лихачев в своих рассуждениях о «топографическом реквизите» [5, с. 45], необходимом, по его мнению, самому Достоевскому в качестве опоры для сюжетно-событийного развития произведений. Но в то же время не стоит забывать, что эта топографическая точность могла быть наследована от европейского авантюрного романа (А. Дюма, Э. Сю), с которым Достоевский был очень хорошо знаком.

Другой аспект семиотического пространства Петербурга, культивированный Достоевским, – мотив городского подполья. Речь здесь идет не только о натуралистическом изображении городских трущоб, неприглядной социальной изнанке блестящего петербургского фасада, но и о подземном, загробном мире, являющемся отражением земного мира в самом буквальном смысле: герой рассказа «Бобок», заблудившийся случайно на петербургском кладбище, слышит разговоры лежащих в могилах мертвецов. Анциферов усматривает в этом сюжете цитацию средневекового мотива *dance macabre* [1, с. 65]. В действительности образ мертвеца и кладбища является неотъемлемым атрибутом семиотической модели Петербурга XIX в., имевшего репутацию своего рода «некрополя» [9, с. 30].

С этим связано и характерное для Достоевского противопоставление Петербурга и остальной России. Москва многократно упоминается в его произведениях: так, в романе «Идиот» именно из Москвы приходит неожиданное наследство Мышкина, в Москве проводят детство Верховенский-старший и Варвара Петровна Ставрогина в «Бесах», в Москву уезжает Иван Карамазов, предвидя убийство отца. Но при этом город всегда остается за кадром, вне основного фокуса действия. В отличие от Петербурга, Москва позиционируется как продолжение России, естественное выражение ее сути. Петербург же в его творчестве со временем все более дистанцируется от России. На эту метаморфозу семиотической модели Петербурга Ф. М. Достоевского

указывает и Ю. М. Лотман [7, с. 746]. В ранних работах Достоевского, относящихся к периоду до ссылки, Петербург не только предстает равнозначным России, но и выступает форпостом идеи ее прогрессивного развития («Петербургская летопись» (1847)). Но со временем семиотическая модель Петербурга Достоевского претерпевает значительные изменения и обретает все более негативную смысловую окраску. В «Братьях Карамазовых» Петербург уже становится воплощением болезни России, которую необходимо преодолеть. В этот период Достоевский не только констатирует обреченность Петербурга, но и желает его падения.

Противоречивая эклектичность семиотической модели Петербурга Достоевского, широкий диапазон символических вариаций неоднократно отмечались исследователями. Истоки этих особенностей следует искать в раннем периоде творчества писателя. В его первых произведениях (повести «Хозяйка» (1847), «Белые ночи» (1848)) мы видим типичный «романтический» способ репрезентации городского пространства. Примерно к этому же периоду относится «Петербургская летопись» (1847), где Достоевский пробует себя в жанре физиологического очерка, весьма популярного в то время у читателя. Натуралистические зарисовки петербургской жизни, исполненные социальной злободневности, открывали принципиально иное направление осмысления петербургской темы. Именно противоположностью этих двух интенций (социальный натурализм и романтический сентиментализм) и определяется многомерность форм репрезентации Петербурга Достоевского.

Таким образом, в качестве авторских и новаторских характеристик семиотической модели Петербурга Достоевского в единой эволюции петербургского текста можно выделить специфические аспекты. Разделение петербургского пространства на фасад и трущобы, «пространственная антитеза» сцены и закулисья [9, с. 217] весьма характерны для петербургского текста на всей истории его существования. Достоевский же представляет совершенно новый ракурс изображения Петербурга, немислимый, например, в пушкинском тексте. Он осознанно обращается к петербургским трущобам, нисколько не смущаясь неприглядностью описываемых декораций. При этом исследователи по-разному объясняют эту тенденцию. Бахтин склонен видеть в этом трущобный натурализм, характерный для жанра менипповой сатиры. Гроссман усматривает в этом родство с французским романом-фельетоном. Кроме того, Достоевский прибегает к явной цитации предшествующей традиции петербургского текста. Аллюзии текстов Пушкина и Гоголя во многом служат ему опорой для возведения собственной семиотической модели Петербурга. Являясь своего рода «оформителем» [Там же, с. 523] изначальной традиции петербургского текста, Достоевский преобразует образы Петербурга эпохи классицизма, формируя собственную, абсолютно самооценную семиотическую модель, играющую роль переходного звена между палладианским Петербургом золотого века и предреволюционным, декадентским Петербургом эпохи заката.

Список литературы

1. **Анциферов Н. П.** Петербург Достоевского // Анциферов Н. П. Душа Петербурга. Быль и миф Петербурга. Петербург Достоевского. М.: Книга, 1991. С. 15-228.
2. **Бахтин М. М.** Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С. 234-407.
3. **Гоголь Н. В.** Петербургские записки 1836 года // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14-ти т. Л.: Академия наук СССР, 1952. Т. 8. Критические и публицистические статьи (1831-1836, 1845-1850). С. 231-235.
4. **Гроссман Л. П.** Город и люди «Преступления и наказания» // Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. М.: Гослитиздат, 1939. С. 3-52.
5. **Лихачев Д. С.** Достоевский в поисках реального и достоверного // Лихачев Д. С. Литература – реальность – литература. Л., 1984. С. 44-59.
6. **Лотман Ю. М.** Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. СПб.: Искусство, 2002. С. 208-222.
7. **Лотман Ю. М.** Современность между Востоком и Западом // Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. СПб.: Искусство, 2002. С. 744-752.
8. **Лотман Ю. М., Успенский Б. А.** Отзвуки концепции «Москва – Третий Рим» в идеологии Петра Первого (к проблеме средневековой традиции в культуре барокко) // Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. СПб.: Искусство, 2002. С. 349-362.
9. **Топоров В. Н.** Петербургский текст русской культуры. Избранные труды. СПб.: Искусство, 2003. 616 с.
10. **Florovsky G. V.** // Slavonic and East European Review. L., 1927. P. 193-198.

DOSTOYEVSKY'S SAINT PETERSBURG: SEMIOTICS OF URBAN SPACE IN THE CONTEXT OF PETERSBURG TEXT DEVELOPMENT

Khasieva Mariya Alanovna, Ph. D. in Philosophy
Moscow State University of Civil Engineering
m9288@inbox.ru

The topic of Dostoyevsky's Saint Petersburg was singled out as a specific part in Dostoyevsky's studies in the early XX century. Despite the contradictions and multidimensional nature of metaphorical representation of Petersburg environment in Dostoyevsky's works, various researchers identify similar characteristics of the semiotic model of Dostoyevsky's Saint Petersburg. This model is incorporated into the general literary and cultural tradition of Petersburg text. Analyzing the studies on this subject, it is possible to trace the evolution of Saint Petersburg semiotic model in Dostoyevsky's creative work, as well as to highlight Dostoyevsky's personal contribution to the development of Petersburg text.

Key words and phrases: Dostoyevsky's Petersburg; semiotics of city; Yu. M. Lotman; B. A. Uspensky; V. N. Toporov; urbanistics of Petersburg of the XIX century.